

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

"близко стоящий к богу", друг Бога, ведомый и наставляемый им", а не "святой".

Исламизация Восточного Туркестана, его тюркоязычного и таджикоязычного населения была проведена главным образом усилиями представителей братства *нақиш-бандийа*, точнее его ветвями *актағлық* ("белогорцы") и *карағтағлық* ("черногорцы") в течение XVI—XVIII вв. Именно тем обстоятельством, что процесс этот был постепенным и длительным, объясняется спокойное и лишенное всплесков яростного фанатизма отношение местного населения к исполнению норм шариата.

Доктрина *увайсий*, судя по тому, как она отражена в "Тазкира", не отличается значительной степенью философско-интеллектуальной проработки. Она весьма упрощена, эклектична и даже примитивна, хотя набор, используемых терминов и их семантическая нагрузка, как будто бы не отличается от того, что мы наблюдаем в классическом восточно-мусульманском мистцизме. Пояснение этих технических терминов и их толкование несмотря на явные попытки выйти на философский уровень далеко отстоят от интеллектуальной глубины последнего. Словом, это периферийный и маргинальный суфизм. По всей видимости, источник излагает доктринальные основы на том уровне, который соответствовал восприятию *увайсий* в Восточном Туркестане и Средней Азии на 1600 год. Вместе с тем "Тазкира" представляется весьма важным и ценным источником с точки зрения знаменитой пластичности суфизма: адекватной перекодировки местных обычаев и традиций на мусульманский и суфийский лад.

Название труда д-ра Болдика

В свете пояснений, данных д-ром Болдиком на с. 226—230 название исследования представляется логично взвешенным и точным. Оно как раз и отражает связь объекта реального мира — мира реальных образов с миром скрытого соответствия этим же образом, т. е. "миром сокрытого смысла". Добавлю, что связь эта идет на двух уровнях: макро и микрокосмосов.

Агиография

Можно согласиться с точкой зрения д-ра Болдика в относительной некорректности применения термина "агиография", принятого и распространенного в христианской практике, для описания "житий" *авлийа*: другой подход, другой эталон и, в

сущности, иные задачи. Действительно, это относительный термин, но он удобен, дает представление о субъекте приложения и поэтому получил распространение. Вместе с тем тезис автора о термине "агиография" как постановка вопроса и его обоснование (с. 224—226) заслуживают внимания и рассмотрения.

Некоторые мелкие замечания

Хорошо было бы для большего удобства читателя указывать в скобках после названия "жития" листы использованного списка.

Халифы изначально были не заместителями бога на земле, а заместителями посланника (*расулаллах*). Правда, поздние Омейяды провозгласили себя таковыми, но эта практика ушла вместе с ними. (с. 3).

Хотелось бы, чтобы д-р Болдик оговорил в начале своей работы с целью избежать разнотолкований, что суфий стремится исключительно к духовному слиянию с Богом.

Джаванмардан можно понять и как "отважные люди на мистическом Пути к Богу": (the brave ones on the Path). (с. 24).

Заканчивая свою рецензию, хочу сказать, что труд, представленный д-ром Болдиком, это четко продуманное, логично организованное в отменно исполненное исследование. Это несомненный успех его и удача. Работа выполнена в традиционном для такого жанра сочинений, в стиле классического европейского востоковедения. Считаю своим долгом отметить яркий и доходчивый язык, которым написано исследование.

О. Ф. Акимушкин

А. А. Долинина. Невольник долга. СПб., Центр "Петербургское востоковедение", 1994, 464 с., илл.

Прошло вот уже более сорока лет с той январской ночи 1951 года, когда практически мгновенно остановилось сердце одного из крупнейших отечественных востоковедов-арабистов нашего века — академика Ипнатия Юлиановича Крачковского.

Вся его сознательная жизнь была связана с Петербургом, начиная с 1901 года, когда он, никому не известный сын глав-

ного инспектора училищ Туркестанского края Ю. Ф. Крачковского, прибыл в Петербург, чтобы посвятить себя востоковедению. Он прошел путь от скромного студента Факультета Восточных Языков Санкт-Петербургского университета, последнего и любимого ученика главы тогдашней российской арабистики академика В. Р. Розена, до преподавателя того же факультета, которым он был на протяжении почти четырех десятилетий, до действительного члена Российской Академии наук, которым он стал в 1921 году, неожиданно для самого себя, до признанного главы русской арабистики, авторитет которого высоко ценился в среде европейских ученых и общественности арабских стран.

Этот путь был далеко не усыпан розами. Девиз, выбранный им при написании студенческого "медального" сочинения "*Per aspera ad astra*" ("Через тернии к звездам"), как бы определил его творческий путь. Он сам не подвергался репрессиям в тяжелые для востоковедения 1930-е и 1940-е годы (хотя и был короткий эпизод с его арестом в 1922 году по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии), его работы печатались и в нашей стране, и за рубежом, вокруг него были ученики, он был награжден двумя орденами Ленина. Тем не менее, он пережил немало тяжелых минут: так сложилась судьба, что многие из его учеников умерли в молодом возрасте или погибли на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда (правда, успеv сказать свое слово в науке), другие отошли от арабистики, третьи были арестованы и надолго оторваны от творческой деятельности. Когда после войны возобновились занятия на Восточном факультете ЛГУ (после многолетнего перерыва), И. Ю. Крачковский был вначале единственным преподавателем на арабской кафедре, а среди его новых учеников, в силу послевоенных условий, абсолютное большинство составляли молодые девушки, не могущие на первых порах идти в сравнение с его довоенными студентами.

Уже в 30-е годы И. Ю. Крачковского и его школу (как, впрочем, востоковедов других специальностей) обвиняли в том, что, занимаясь проблемами средневековой арабской культуры, арабисты проходят мимо насущных задач изучения современности (хотя И. Ю. был пионером в деле изучения

современной арабской литературы и культуры в нашей науке).

Конец 40-х годов в истории нашего востоковедения отмечен несколькими моментами: борьбой с космополитизмом и реорганизационной ломкой Института востоковедения АН СССР, второго учреждения, которому И. Ю. отдал лучшие годы своей жизни. Дискуссия об основных направлениях в изучении литератур народов Советского Востока (1949 г.) была опять-таки нацелена против И. Ю. Крачковского и его школы. Из всех этих передраг И. Ю. Крачковский вышел с честью. Не борец по натуре, он часто был вынужден вести бескомпромиссную борьбу за отстаивание высоких принципов подлинного научного мышления и человеческого достоинства и выходил из этой борьбы победителем. Он ни на минуту не терял высоких моральных качеств и с большой убежденностью отстаивал свои взгляды. Он и умер в то время, когда боролся за право и возможность работать для своих учеников. Его мужественное поведение во время Великой Отечественной войны, когда он остался в осажденном Ленинграде и встал во главе всех академических учреждений, покинув город только по приказу академического руководства, снискали ему глубокое уважение в широких кругах общественности. Его книга "Над арабскими рукописями", написанная в годы войны, многих людей, даже далеких от арабистики, учила тем моральным принципам, которыми должен обладать подлинный ученый и патриот своей родины.

Обо всем этом говорится в только что изданной книге петербургского арабиста, профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Анны Аркадьевны Долининой "Невольник долга". За годы, прошедшие со времени кончины И. Ю., было сделано многое, чтобы его научное наследие стало доступным. Благодаря самоотверженной работе его жены и единомышленницы В. А. Крачковской, вышли в свет "Избранные сочинения" в шести томах, неоднократно переиздавалась книга "Над арабскими рукописями", его архив был разобран и передан на хранение в Академический Архив в Санкт-Петербурге, а его уникальная библиотека — в Российскую Национальную Библиотеку. Столетие со дня его рождения (1983 г.) было отмечено специальной научной сессией и т. д.

При этом надо сказать, что о И. Ю. Крачковском как ученом и человеке было написано не так уж много. Можно назвать

* Видимо, это обстоятельство послужило причиной тому, что И. Ю. до смерти уже никогда не выезжал за границу.

сборник "Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского" (Л., 1958), книгу Т. А. Шумовского "У моря арабистики" (М., 1975), сборник "Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского" (М., 1987), несколько статей, опубликованных в различных изданиях. Подобная же монография появляется впервые. Как пишет сам автор (а она была одной из последних учениц И. Ю.), "что он представлял собой как человек, сейчас уже не знает почти никто. По-настоящему своего учителя не знали и мы, заставшие его в живых, теперь уже старые младшие ученики... Получилась книга о том, как настоящий ученый остается Человеком в любых условиях" (с. 8).

Мне кажется, что автор достигла своей цели. Со страниц книги встает образ большого Ученого и настоящего Человека, сумевшего до конца своих дней бескомпромиссно служить и Науке, и человеческому достоинству, и учить это делать других.

Книга выпущена молодым, но уже хорошо зарекомендовавшим себя издательством Центр "Петербургское Востоковедение". Нужно отметить, что издание осуществлено на высоком полиграфическом уровне. Оно снабжено подробными комментариями, рядом указателей и достаточно полной библиографией. В книге публикуются фотографии (в том числе малоизвестные) И. Ю. Крачковского, его учителей и учеников.

"Невольник долга" открывает новую серию книг "Архив Российского востоковедения". Будем надеяться, что в дальнейшем в этой серии увидят свет и монографии о других выдающихся представителях отечественной ориенталистики. Этого требует долг памяти об ушедших учителях нынешнего поколения российских востоковедов.

В. Н. Кисляков

Пу Сунлин. Наваждение за наваждением. Пер. с кит. и ком. В. М. Алексеева. Сост. Ю. А. Сорокина. М., "Педагогика-Пресс", 1994.

"Наваждение за наваждением" — странно как-то, не правда ли, но впрочем мы уже привыкли к названию за рождением диковинных названий, изданий, да и самих возникающих одно за другим новых

издательств. Правда, в данном случае издательство не ново, обновлено лишь его название: была Педагогика, стала Педагогика-Пресс. (Как тут не вспомнить: "Он был монтером Ваней, // но в духе парижан // себе присвоил звание // электротехник Жан".) Ну что ж, если из под пресса будут выходить хорошие книги, то ладно.

Книжечка, о которой речь, изящная, в симпатичном с тремя красивыми китайскими рисунками переплете (который, увы, стремится к самоопределению — клей не держит), на составление и оформление заявлен, чин по чину, копирайт. Состав: 21 новелла Пу Сун-лина — Ляо Чжая в переводе В. М. Алексеева. По общему счету, после последнего при жизни переводчика сборника (Рассказы о людях необычайных. М., 1937) это переиздание — 12-ое. Из любопытства, я подчитала в печатных страницах общий объем переизданных новелл — получилось 4000. И тиражи были немалые, и ни одно издание не залежалось на прилавках. Теперь прибавились еще 237 страниц, правда, малого формата. Можно бы только радоваться за "Алексеева и его Ляо Чжая" — беру в кавычки, так как это название предисловия к тому самому сборнику, из которого отобраны новеллы для нынешнего, что и оговорено на титуле, хотя и с ошибкой: "Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах" вышел не в 1972, а в 1973. Составителем этого сборника был Л. З. Эйдлин, один из самых близких к Алексееву его учеников и последователей. Стоило бы, кажется, составителю нынешнего сборника Ю. А. Сорокину назвать имя человека, приложившего свою компетентную руку и труд к изданию, которым он воспользовался.

Однако для такого элементарного знака вежливости в "От составителя" места не нашлось. Зато нашлось место для фантастической, должно быть, в силу наваждения, библиографической ссылки к цитате из Алексеева, из которой я с удивлением узнала о его, увы, в природе не существующих "Избранных трудах", изданных, как уверяет ссылка, в 1987 г. (указана страница — 300). Найдя по памяти цитату, вношу исправление: В. М. Алексеев. Китайская литература. Избр. тр. М., 1978 (страницы, как ни странно, совпадают).

Этой чепухи, сбивающей читателя с толку, не было бы, если бы Ю. А. Сорокин ради пользы дела прислал мне, пока еще здравствующей составительнице предыдущего сборника Пу Сун-лина ("Рассказы Ляо Чжая о необычайном". М., Худож. лит.,